

ДНЕВНИК ИСКУССТ

АНДРЕЙ Дмитриевич Гончаров удостоен Государственной премии СССР 1973 года, заслуженно увенчавшей труд художника, недавно отметившего свое семидесятилетие. В постановлении о присуждении премий названы его книжные иллюстрации: гравюры к поэме В. Казина «Великий почин» (портрет В. И. Ленина), к произведениям А. Островского, А. Сухово-Кобылина и Ф. Достоевского. За ними — половина века, отданная делу, которое принято называть служением искусству.

Для Гончарова прожитое время вместило судьбу поколения, на заре встретившего революцию, в зрелые годы прошедшего через войну, в современность принесшего строгость чувств и мудрость опыта.

которого делал первые самостоятельные шаги в искусстве. Не могла не оставить следа и дружба с Николаем Николаевичем Купреяновым, которого, несмотря на разницу в возрасте и положении, Гончаров называет своим «старшим другом» — об этом он написал главу воспоминаний, опубликованную в недавно вышедшей книге о замечательном советском художнике.

Первые шаги в театре Андрей Дмитриевич делал под руководством К. С. Станиславского, с которым ему довелось работать над макетом оформления спектакля, состоявшего из водевилей времен французской революции. К сожалению, спектакль этот так и не увидел света, но уроки Станиславского, общение с ним не могли не оказать своего формирующе-

ЛАУРЕАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ

БОЛЬШОЙ МИР ХУДОЖНИКА

О людях активного труда обычно говорят, что они молоды духом, идут в ногу со временем. Это с полным основанием можно отнести и к Гончарову. Но есть в нем и иное, что скажешь далеко не о каждом, — запас нерастраченных творческих сил. С этим ощущением закрываешь книги, иллюстрированные Гончаровым.

Сегодняшний интерес к работам Гончарова далеко не праздный: в них заключена ценность, неизменно составляющая главное достоинство искусства — его содержательность. Казалось бы, о какой еще содержательности может идти речь, если это качество должно предполагаться заранее, так как большинство работ художника — гравюры, служащие иллюстрациями к русской, советской и зарубежной классике? Я думаю, что это и есть главное в творчестве Гончарова — способность внести в мир большой литературы В. Шекспира и М. Сервантеса, А. Блока и А. Островского, Ф. Достоевского и А. Чехова собственное видение, мир не выдуманный, органичный, живой и сложный, предполагающий непосредственность переживания, неповторимость мышления, богатство духовной культуры.

С сожалением замечаешь, что известность Гончарова нередко ограничивается гравюрами, и лишь немногие знают его масляную и монументальную живопись, театральные декорации. Но, как сказано одним писателем в книге о Пришвине: «Чтобы ощутить прелесть озерной воды, не надо пить все озеро...».

Даже зная Гончарова давно, не перестаешь удивляться его безупречному владению художественными средствами. Штрих то напряженно черный, то мягкий, светлый, то серебристо-серый — не просто способ изображения, прежде всего он — инструмент мысли мастера, а соединение белого и черного — как клавиши рояля, от прикосновения к которым рождается музыка.

Когда человек талантлив, яростно и жизнь его связана со многими замечательными людьми, нередко говорят, что ему повезло. Наверное, вот так же «повезло» и Андрею Гончарову, когда он шестнадцатилетним мальчиком пришел в первый советский художественный вуз — ВХУТЕМАС (сокращенное название Высших художественно-технических мастерских), чтобы учиться живописи у профессора Ильи Ивановича Машкова. Его не брали по малолетству, но ему снова «повезло», и он был принят с разрешения наркома просвещения А. В. Луначарского. В числе счастливых была встреча с Владимиром Андреевичем Фаворским, у которого он учился гравюре и с благословения

го влияния на молодого человека, начинавшего творческий путь.

Вот уже много лет Андрей Дмитриевич Гончаров — сам профессор, заведующий кафедрой факультета художественного оформления печатной продукции полиграфического института, преемника ВХУТЕМАСа, из которого он в свое время вышел. Ученики профессора тоже уже преподают, а сколько всего их, ныне известных художников книги, которым он дал направление в жизнь! В этой непрерывности движения — естественный и благотворный ход развития советской художественной культуры с ее гражданскими традициями, идейным богатством и владением высоким мастерством, без которого немислима профессия художника.

Когда в конце 20-х годов Гончаров впервые обратился к образу В. И. Ленина, он был одним из немногих, кто решался на такой трудный шаг. Гончаров был одним из немногих, кому удалось передать не только сходство, но достигнуть главного — раскрытия многогранности характера вождя первой в мире пролетарской революции. По сей день эти гравюры остаются среди лучших в художественной Лениниане. Он возвращался к ленинской теме не раз, в том числе и в иллюстрациях к поэме Василия Казина «Великий почин», но восприятие и передача образа великого борца и человека остались такими же, какими они были в первых гравюрах. И не приходится удивляться тому, что сегодня в произведениях, принадлежащих опытным профессионалам — его ученикам, так же посвященных В. И. Ленину, столь явственно ощущается влияние мастера.

Есть закономерность в том, что большие художники привлекают к себе внимание не только силой авторитета, но прежде всего обаянием личности, освещающим любое дело, которое они делают. Выступает Андрей Дмитриевич в Центральном лектории Всесоюзного общества «Знание» — зал переполнен; ведет передачи по телевидению — их смотрят с огромным интересом; предстает перед читателями как публицист в своих книгах — «Об искусстве графики» и «Художник и книга» — они раскупаются моментально. Этот редкий дар общения с людьми не может существовать сам по себе. Он заложен в основе, в самой творческой природе Андрея Дмитриевича Гончарова, в потребности делиться душевным богатством с другими, в понимании высокого слова — художник.

С. ДОНСКАЯ.